
Фауст Трин
Всех, кого
любишь, убьёшь.
Следом
и сам падёшь.
18+
Слуги
его
люди

Young Adult. Книжный бунт. Новые сказки

Фауст Грин

Слуги его. Люди

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Грин Ф.

Слуги его. Люди / Ф. Грин — «Эксмо», 2026 — (Young Adult. Книжный бунт. Новые сказки)

ISBN 978-5-04-235254-6

«Всех, кого любишь, убьёшь. Следом и сам падёшь». 1560 год. После загадочной смерти царицы Анастасии царь Иоанн Васильевич решает раз и навсегда покончить с колдунами и волшебными существами, заполнившими царские земли и несущими смерть простым людям. Он приказывает сформировать отряд балиев — охотников, которые будут защищать людей от чудовищ и их хозяйки Малахитовой ведьмы. В истории же сохранится другое название этой охоты — опричнина. Но спасая людей, молодым балиям предстоит приложить усилия, чтобы самим не стать чудовищами. Первая часть дилогии Фауста Грина, автора романа «Благие негодники». Тёмное славянское фэнтези, в котором опричники-ведьмаки встают на защиту людей по приказу Ивана Грозного. События дилогии разворачиваются в том же мире, что и сюжет романа «Благие негодники», и рассказывают, с чего началась защита людей от небанальных существ. Популярный исторический период, в котором легко поданы особенности эпохи, а знакомые личности показаны с иной стороны. Рыцарь и его оруженосец, учитель и ученик, серая мораль, героиня, которая притворяется юношей ради мести, жестокие битвы и романтическая линия с тропом «от ненависти до любви». Издание дополнено бестиарием, а также словарём. Издание дополнено чёрно-белыми иллюстрациями с главными героями романа и хитрой картой местности от Юлии Кабановой.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235254-6

© Грин Ф., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог 9
Глава 1 14
Глава 2 23
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Фауст Грин
Слуги его. Люди

Иллюстрация и дизайн переплёта Риджи
Карта Ксении Паниной
Иллюстрации Юлии Кабановой
Бета-ридеры Марина Пинчук и Юлия Харузина

© Грин Ф., текст, год издания 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

* * *

В книге может присутствовать ряд исторических несоответствий.

Влад Цепеш. Книжный блогер. Автор канала «Книги у меня в крови»

Пролог

Зарев 7069 года от Сотворения мира
(август 1560 от Р. Х.)

Скачут кони, мчатся кони, да сквозь ночь торопятся слуги его. Пьяный месяц скрывается за еловым горизонтом, и не видать в этой ночи ни зги. Мчит всадник, летит всадник, из последних сил торопится, да куда его выведет эта ночь? Ковыль да дорожная пыль. Мох да пепел.

Ветер завывает на перекрёстке, и конь под всадником сбавляет ход. У него ножки-веточки трясутся от усталости, того и гляди издохнет. Да чего животину губить? Да чего человеку в этом лесу гнить?

Там по большаку ещё несколько вёрст, домчит до руин и пожарищ. До костров. До сожжённого леса, который жгли молодые бесы, да, молодые бесы. Пепел и кровь…

* * *

Покуда горел лес, покуда танцевал бес, покуда кровавым ветром носился меж костров нечистый, за много вёрст в палатах царских рекой серебряной текли слёзы.

– Царица, царица наша матушка! – доносился вой сенных девок из каждой горницы. Никто из них не посмел в ночь выйти во двор. Никто из них не смел поднять взор. Потому что страшнее, чем сама смерть, была участь встретить царя…

Царь Иоанн сидел у ночного озера, а на руках его непробудным сном спала царица Анастасия.

– Небо сегодня звёздами, как жемчугом, расшито, Настюш. Точно твоё полотно, что ты Ванюше на именины вышивала. Оно ему не понравилось, да ты не переживай: подрастёт, умуразуму наберётся, оценит твой подарок. Что говоришь? Что коня вороного не нужно было мальчишке дарить? Так, полно, Настюш. Меня отец в четыре года на коня посадил. А татарские дети? Говорят, вообще в сёдлах матери их рожают. Представляешь, посажу тебя в седло и заставлю нашего следующего мальчишку или девчонку там рожать. Что улыбаешься?

Царь поцеловал супругу в губы, утёр рукой кровавый привкус железа и вновь зарылся лицом в длинные чёрные волосы царицы.

– Слушай, а чего ждать? Я сейчас коня возьму, и мы помчим отсюда. Далеко-далеко. Ванюшу на Андрюшку оставим, а сами поедем в те земли, где солнце светит весь год и дивные звери и птицы живут. Там никто не будет знать о том, что я царь. О том, что ты царица. Будем жить, пахать плодородную землю. Не шучу, что ты. Вырастим, помнишь, фрукт такой был, ну этот, как его… арбуз. Вот будем их как раз выращивать. Ну, видишь, всё же не так плохо, Настюш. Вот уже и загадали себе жизнь тихую. Человеческую.

Царь поцеловал царицу в лоб и улыбнулся.

– Ладно, Настюш. Всё, полно. А то замёрзла ты. Вот сейчас прям и пойдём на конюшню. И лошадь заберём. Ты спи, звёздочка моя ненаглядная, спи, я тебя донесу, ты у меня такая лёгкая, точно пёрышко совиное. Спи. А проснёшься – далеко будем. Далече…

* * *

Иван встал на колени и, не выпуская из объятий своей жены, попытался подняться на ноги. Медленно, превозмогая усталость, он, пошатываясь, встал. Сделал один шаг, другой, а затем нога его подвернулась, и рухнул царь, да только не выпустил из рук тела царицы.

– Глина родная тебе ближе земель солнечных, Настюш? Знаю, что ближе… Хочешь здесь остаться – останемся. Только вернись ко мне. Глаза открой…

Голос Ивана дрожал, хрипел и превращался в шёпот. Подул сильный ветер. Пыль поднялась в воздух и медленно опустилась на окоченевшее тело царицы и измотанного царя.

– Ваня, вставай, – донёсся хриплый и полный горечи голос из самого сердца тьмы, и подле царя возник силуэт мужчины в длинных белых одеждах, явившегося сюда с дуновением ветра. Единственного, кому было под силу летать наперегонки с самим ветром.

– Андрей, друг мой, посмотри, что они сделали с моей Настенькой…

Иван Васильевич поднял на прибывшего полные слёз глаза. Князь Курбский опустился на колени рядом с царём, протянул руку, будто бы убедиться, что перед ним действительно тело царицы Анастасии, да Иван прижал мёртвую жену к себе ещё крепче.

– Не тронь! Не тронь её, Андрей. Она спать хочет.

– Она умерла, Ваня! – проревел князь Курбский. – Умерла! Господи, Ваня! Ты же клялся мне, что от всех смертей убережёшь её! Ваня!

Даже в ночи было видно, что зелёные глаза князя поменяли цвет на алый, а лицо его словно вытянулось.

– Дай мне, я спасу её! – воскликнул князь. – Тот, чья кровь во мне, он же мог мёртвых к жизни возвращать. Мог же! Уступи!

– Андрюша, друг мой, день я с ней здесь лежу. И, видно, тебя позвали, чтобы вернуть нас… Не вернёшь ты её к жизни. Что там в рукописи говорилось? Тело тёплым должно быть, а любовь моя холодней, чем снег…

– Тогда в палаты пойдём. Тебя потерять не хочу я. О детях своих подумай, если ради меня жить не хочешь. О ваших с Настенькой детях.

Не выпуская царицу из рук, царь навзничь откинулся на холодную землю. Ему были безразличны мольбы друга, мысли его были далеко. День он уже мечтал заболеть, окоченеть и остаться в этой земле вместе с любимой супругой. Да только смерть от него отворачивалась.

– Ваня, ты просил так не делать, но если ты не уйдёшь, я…

– Прикажешь мне? Возомнил себя царём мёртвых, да, Андрюша? Ты колдовство своё бесовское не смеешь на мне испытывать. И на Насте я не дал бы тебе испытать, она сама против этого всегда была… Против…

– Да, я был противен ей, знаю, – усмехнулся Андрей. – Сама упрашивала меня, чтобы я агнцем сделался и на заклание пошёл по доброй воле, и сама же потом взгляд отворачивала. Как и все вы…

Но царь, казалось, совсем не слушал то, что говорил его лучший друг, и лишь смотрел на звёздное небо. И в уме утвердилась одна мысль: «Против всего этого».

Какое-то время мужчины молчали. Князь Курбский раненым зверем ходил из стороны в сторону, а царь лежал в грязной траве, обнимая умершую жену, пока наконец не позвал друга.

– Андрей, видишь ты теперь то, что смертным неведомо. А вдруг колдовская сила её сгубила? Смог бы ты силу колдовскую почувствовать?

Князь сначала даже не понял, что Иван Васильевич к нему обращается. А потом обернулся, словно его пчела ужалила.

– В палаты вернуться надо, Ваня.

– Нет, Андрей. Нельзя. А если прознает кто?

– И так все знают, что царица умерла. А пока ты следом отправиться хочешь, беда какая с детьми приключиться может! И сбудутся те самые слова…

Обоих мужчин словно ошпарило. И князь, и царь вспомнили полыхающий город и женщину, сидящую на крепостной стене. Коса её переливалась на солнце чёрным золотом. Кокошник был расшит зелёными камнями, а доспехи покрыты разноцветной змеиной чешуёй. В том городе сгубили её детей и слуг. В том городе казнили её воинов. В том городе человечьи войска пересекли границу мира людей, и вторглись в земли невиданных существ, и освободили эти земли для того, чтобы люд христианский здесь жил безопасно. И когда чаша терпения царицы этих земель переполнилась, она явилась сама.

Но не молила. Не упрашивала. А просто смотрела взглядом древнее, чем скалы и ели. Жгла этим взглядом одного-единственного человека: царя Иоанна Васильевича, что был из рода Рюриковичей. А потом заговорила:

«Мира хотела с тобой, но ты ответил войной. Камни пусть говорят, пусть стекленеет взгляд. Род угасает твой. Сын мрёт один и другой, пусть одного убьёшь сам, другого болезням отдам. Собакой сдохнет жена. И не она одна. Ты же сойдёшь с ума. Вот, царь, твоя война. Всех, кого любишь, убьёшь. Следом и сам падёшь.

И Рюрика род умрёт. Сто лет – как один год. Сто лет – и всё здесь падёт. Ещё триста – восстанет народ. И не будет царей и людей. И не будет власти твоей. Ты познаешь, как камень разит. Ты познаешь, как сердце болит. Ты посеял гнев и огонь. Ты пожнёшь только прах, смерть и боль.

Когда сдохнет твоя жена, да начнётся моя война. Тогда я приду за тобой. И твой род порастёт травой».

Закончив свою странную песню, женщина обратилась крылатой змеёй и взмыла в небо. Ведьма и нехристь, что ещё можно было от неё ожидать?

– Андрей, – прошептал царь. – Андрей, я детей ей не отдам. Андрей, надо войско собирать.

Язык царя заплетался. Князь хотел помочь ему встать, но царь подал ему тело своей жены.

– Возьми её. Отнеси её в покои. А я следом вернусь. Негоже, чтобы меня в таком виде подданные узрели.

– Нет, мой царь, – учтиво склонился князь и бережно принял тело царицы. На губах ее застыла светлая улыбка. В свой последний миг она улыбалась. – Вместе пойдём. А кто посмеет хоть что-то сказать против тебя…

– Убивай их, Андрюша. И никакой им всем пощады. Дозволяю тебе: хоть бочки крови их набирай, только найди мне виновников. А когда виновников найдём, соберём такое войско, которого свет не видел.

Царь медленно шёл к палатам. Гнев переполнял его, и оттого уверенней он уже ступал по земле, а Андрей с телом царицы на руках двигался следом.

– Вот увидишь, Андрей. Войско соберём. Бабка моя не один секрет припрятала. И не будем одни в своём грехе и одиночестве. Других сделаем.

Андрей пребывал в задумчивости, и усталый голос друга почти не беспокоил его, но фразу про других он не понял.

– О каких других ты говоришь, Ваня?

– О балиях я говорю, Андрюша. О тех, кто был бы равен по силе чудовищам и всех этих тварей, что заполонили наши православные земли, уничтожить смог бы. Чтобы не было в деревнях леших и русалок, чтобы лихо по дорогам путников не подстерегало. Чтобы упыри да оборотни кровавую дань не собирали. И чтобы не мой род, а род Малахитовой Ведьмы оборвался. А её я выставлю на площади на потеху люду. Её змеиную кожу сдеру с неё живьём и сапоги прикажу сшить себе и мальчишкам моим. Чтобы знала она место своё и не смела угрожать единственному владыке этих земель.

– Ты что, Ваня, решил бросить вызов Хозяйке? – Андрей наконец-то осознал, о чём говорит царь, и испугался.

– Не хозяйка она нам! И не будет ею никогда! – рявкнул царь. – А кто её хозяйкой назовёт, будь то дитя, старик, мужчина или женщина, крестьянин, боярин, дьякон, да хоть сам Дьявол! Тому голову с плеч – долой!

Вдалеке закричали первые петухи, призывая солнце на борьбу с непроглядной холодной ночью, что оплетала бесконечные золотые поля да тёмные леса.

Глава 1

Юноша лет пятнадцати стоял на крепостной стене и жадно поглощал печёное яблоко. С отцом, князем Вяземским, юный Афанасий прибыл в Коломну, как только всадник доставил письмо с известием о смерти царицы. Юный князь не очень любил покидать родное поместье, однако, как говорил сам Иван Андреевич, все его сыновья должны по стопам его пойти, а для того часто в люди выезжать, чтобы каждого знали.

С годами дел у Афанасия становилось всё больше, а свободы – всё меньше. Он уже, как и старшие братья, ходил в военные походы, вот только в гущу сражения его пока не пускали. А сражаться Афанасию хотелось. Страстно хотелось. Многие говорили, дескать, Афанасий хочет своего старшего брата Василия, по кличке Волк, превзойти. Но истинные намерения юноши были молве неведомы. Он и сам себе боялся признаться в них, да только стоял на крепостной стене и словно выискивал кого-то внизу, пока наконец глаз не зацепился за белый охабень, расшитый золотыми и синими цветами. Его обладатель сидел на берегу небольшого озерца – там, где обычно бабы стирали бельё.

Прежде, когда князь Андрей входил в палаты, взгляда от него не могли отвести ни женщины, ни мужчины: рослый, статный, с глазами зелёными, точно молодые еловые иголки, и волосами цвета первых солнечных лучей, правая рука царя Ивана и его лучший друг – он предпочитал белые и золотые тона в одежде. Часто и вовсе в заморское платье рядился, чем вызывал недовольство бояр.

Заметив князя, Афанасий поспешил вниз по лестнице, но на последних ступенях столкнулся с темноволосым мальчишкой лет одиннадцати и сбил его с ног. Отрок в красном кафтане скатился вниз.

– Эй, смотри, куда бежишь! Я батьке пожалуюсь – он тебя выпорет, – потирая ушибленную задницу, проворчал мальчик.

– Я сам кого хочешь выпорю, – огрызнулся Вяземский и, не подав парнишке руки, помчался дальше.

Чего-чего, а вот жаловаться отцу – Алексею Даниловичу – его сын Фёдор боялся. За свою недолгую жизнь Басманов-младший твёрдо уяснил, что отца не трогают ни уговоры, ни слёзы. А за жалобу Фёдор первым получал кнута, хоть и был боярским сыном. Но чужим людям знать это было необязательно, и иногда угрозы маленького Фёдора их пугали.

Басманов поднялся, отряхнулся, пригладил взъерошенные чёрные кудри и похромал вслед за своим обидчиком. Нужно было хотя бы узнать его имя и положение. На будущее. Когда Фёдор вырастет, станет большим и сильным, он обязательно отомстит. В этом боярский сын не сомневался.

Когда Вяземский добежал до озера, он увидел, что рядом с князем теперь стоит молодой мужчина. Его тёмные волосы отливали рыжиной. Он был невысок, коренаст и в тёмном армяке с красным кушаком казался каким-то холопом. Однако с князем смел говорить непростительно

дерзко. Вяземский спрятался в кустах и навострил уши. Мужчину он видел впервые, более того – впервые видел, как кто-то смеет повышать голос на князя Курбского. Афанасию это казалось в принципе невозможным.

С князем Андреем Курбским Афанасий Вяземский познакомился несколько лет назад, когда ездил с отцом и братьями в Можайск. Братья в очередной раз подшутили над Афанасием, подбросив ему в кровать ужа, зная, что любых змей мальчик до смерти боится. Проснулся Афанасий на рассвете оттого, что скользкая гадина заползла ему под рубаху, желая согреться. Мальчишка не убил змею, как надеялись братья, а, стряхнув ужа, зарыдал от страха и в одной рубахе и портах побежал прочь из крепости. Бежал долго, пока к озеру не выбежал. У воды решил он умыться, да берег оказался крут, и свалился мальчишка в воду, да глубоким озеро оказалось. Там и начал мальчик задыхаться и барахтаться – и совсем бы на дно пошёл, если бы не всадник, проезжавший мимо. Ни секунды не думая, сбросил с себя кольчугу всадник, нырнул в воду на помощь мальчишке.

Когда Афанасий пришёл в себя, перед ним стоял самый настоящий ангел. В белых заморских одеждах. При белом коне. Он весь сверкал – или из-за воды и солнца так показалось мальчику. Незнакомец участливо улыбался Афанасию, но в его глазах столько боли было, столько тоски, что мальчишка лишь спросил, даже забыв сначала поблагодарить:

– Почему тебе грустно?

– Потому что я скоро умру, – тихо ответил мужчина. Он снял с коня дорожный мешок и достал из него сухую рубаху. – Надевай, замёрзнешь – заболеешь. А тебе пожить ещё нужно.

– А почему ты, господин, умрёшь? Ты сильно болеешь? – спросил мальчик, наспех переодеваясь в сухую рубаху.

– Потому что я обещал тем, кого очень-очень сильно люблю, что буду их защищать.

– Но как же ты защитишь их, если умрёшь?

– То мне неведомо, мальчик. Господь укажет мне путь.

– А тебе обязательно умирать? – не унимался Афанасий. – Ты же хороший, ты вон меня спас! Братья мои и папка так бы никогда не сделали.

– Боюсь, что обязательно… Тебя спас – и остальных спасу, – улыбнулся мужчина. – Скажи, кто отец твой? Почему ты вообще в этом озере оказался?

– Не скажу. Я умыться сюда пришёл. Ну и упал с берега, а плавать толком не умею.

– Одежонка-то у тебя не крестьянская, – подметил мужчина. – С войском приехал?

Вяземский насупился.

– Ну с войском. Только там все у царя пируют, а мне неинтересно. Ни капельки.

– Царь неинтересный? – улыбнулся Андрей.

– Ну да. Он важный такой – он же царь. И батюшка мой, и братья рядом с ним тоже такие важные становятся. А я не хочу. Вот пироги пекут у царя – вот пирогов хочу. А смотреть там, слушать – не желаю.

– Пироги и впрямь царские кухарки вкусные пекут. Поедем, добуду нам пару пирогов.

– А ты не скажешь моему отцу, что я чуть не утонул?

– Не скажу, – улыбнулся князь. – А ты про пироги вспомнил – я даже сам захотел. Смерть смертью, а для пирогов всегда время найдётся.

Мужчина перекинул кольчугу через седло, поёжился в мокрой одежде.

– Ну, мой безымянный маленький любитель пирогов, поедем?

– Меня Афанасий из рода Вяземских зовут.

– Вяземский? Так ты, стало быть, молодой князь? Значит, не только пироги поедать должен, но ещё и наши земли защищать!

– Как-то ты много про князей знаешь, – нахмурился мальчик.

– Ну так я тоже князь. Андрей Курбский. А князьям нужно держаться вместе. Вместе так сподручнее и пироги есть, и людей защищать. Ну что, маленький князь, поедем к царю?

Афанасий вздохнул, сгреб в охапку мокрые вещи и поплёлся к лошади.

– К царю в таком виде – отец наругает. Так что придётся в опочивальню сначала.

– Как скажешь. – Курбский подсадил мальчика на коня и запрыгнул в седло следом.

– Князь Андрей, а давай ты умирать не будешь? Если смерть придёт – я тебя защищу, – сказал Вяземский и посмотрел на своего спасителя снизу вверх. – Ты же сам говоришь: нам, князьям, вместе надо и пироги есть, и сражаться. Ты можешь постараться не умирать, пока я чуть не подрасту и воином не стану?

Искренность мальчика тронула Курбского до глубины души. Царь и царица и впрямь обратились к нему с жуткой просьбой, исполнив которую он, скорее всего, умрёт. Но мальчишка Вяземский… Такой искренний, добрый и светлый, такой же, каким когда-то был сам Андрей – ещё до дружбы с Иваном, ещё до того, как полюбил Настасью… Мальчик, который хотел есть пироги и быть свободным человеком, а не князем. Мальчик, которого он спас. Мальчик, который, возможно, только что спас его самого, напомнив, что что-то человеческое в самом Андрее, в глубине его души, останется.

– Расти большим и сильным, князь Афанасий. Как время придёт – станешь моим рындой. Будем друг друга защищать.

– Вырасту, князь Андрей. Клянусь, вырасту и буду таким же сильным и смелым, как ты… И никто меня змеёй напугать не сможет!

Конь князя домчал их в крепость за несколько минут. И когда Афанасий слез на землю, он в первый раз ощутил, что в его жизни появилась какая-то цель.

Когда князь Андрей попрощался с мальчишкой, он в предпоследний раз подумал о том, что хочет остаться в живых.

– Поверь, преданнее меня наш царь не найдёт, – убеждённо говорил рыжеволосый.

– Я знаю, Григорий. Видел тебя в деле и оттого ценю такую собачью преданность. И царь ценит.

– Да ты же видишь, князь, что всё, что у меня есть, – всем этим я нашему батюшке Иоанну Васильевичу обязан. Я за него хоть в огонь, хоть в воду.

– Жизнь положишь? – усмехнулся Андрей, обнажая клыки.

– Да хоть жизнь! Знаю я, что ты колдовской силой владеешь, но для этого, говорят, будто тебе умереть и воскреснуть из мёртвых пришлось.

– Глупости. Силой великой я, конечно, владею. Но сердце моё бьётся в груди. И я практически не умирал. Не так ли, Афоня?

Курбский даже не обернулся, но сказал это достаточно громко, чтобы Вяземский услышал и показал нос из кустов.

– Прости, князь, я…

– Ты ещё кто, малец? Кто тебе разрешил подслушивать? – обрушился на парня коренастый и, схватив его за ухо, вытащил из кустов.

– Пусти! – крикнул Вяземский и, выхватив из-за пояса кинжал, попытался полоснуть противника, но тот лишь выбил оружие у него из рук. – На князя руку поднимать вздумал, холоп?!

После этих слов мужчина отступил и отпустил юношу.

– А, так ты из этих, – презрительно заметил он. – А дерёшься как баба, щенок. Хреновый из тебя вояка получится.

Афанасий покраснел от гнева и готов был броситься на незнакомца с кулаками, но Андрей остановил:

– Он тебя сильнее и проворнее, Афоня. Голыми руками ты его даже с места не сдвинешь.

Юноша отскочил от «холопа» на несколько шагов.

– Хорошо. Было бы чем выстрелить – нужно было бы сейчас стрелять, – спокойно добавил Андрей.

– Это что же ты, князь, меня мишенью для какого-то барского щенка задумал сделать?

– Этот «барский щенок», как ты выражаешься, Григорий, мой рында. Я буду очень расстроен, если с ним что-то случится.

– Так что ж ты, князь, сразу мне не сказал? Извини, малой, погорячился.

– Не извиню, – буркнул Афоня, но затем, встретившись с ледяными глазами князя, всё же сдался и добавил: – Ладно, я тоже извиняюсь.

– Что ты хотел? – устало спросил князь Афанасия.

– Да приветствовать тебя в добром здравии, мой господин. Я знаю, что ты в иных землях был, где помощь моя не требовалась. Уж почти год прошёл…

– Полно, мальчик. И прекрати ко мне так обращаться, ты уже взрослый, князь, мы почти на равных, какой уж я тебе господин. Что же до моего возвращения… Как по мне, так лучше бы я и не возвращался в это проклятое царство… Малюта, ты можешь идти, мы встретимся на совете.

– То, о чём мы говорили… я этого просто так не оставлю, князь. Запомни, – холодно сказал мужчина и поспешил к крепостным стенам.

Андрей кивнул, и Вяземский наконец приблизился и сел на берегу рядом.

– Как у тебя дни прошли, Афоня? Рассказывай, – предложил князь.

– Отец в бой не пустил опять. Говорит, что я не совсем ещё тренирован, чтобы с бердышом управляться.

– Бердыш – сложное оружие, да и сил поболе твоих требует. Отец твой прав. С саблей как сейчас?

– Получше, чем когда ты меня видел в последний раз. Лев тренировал, мой средний братец.

– Ты и подрос за это время, – кивнул мужчина и потрепал юношу по голове.

– Как ты… – Афанасий пытался подобрать слова, вопросы вертелись у него на языке, но он боялся их задавать своему господину.

– Как я пережил её смерть? – оскалился Курбский. – Я не пережил того, что он не позвал меня раньше. Я и только я мог спасти Настасью, когда она захворала! А вместо этого… он отослал меня! Просто отослал!

– Но ты же сам говорил, что царица боится тебя. Твоей силы. Что она бы никогда не согласилась разделить эту силу с тобой.

– И что с того?! – Глаза Курбского поменяли цвет на красный, а дыхание участилось. – Моя жизнь теперь ничуть не хуже, даже лучше вашей жалкой человеческой. И Настасья могла бы разделить со мной эту жизнь! Но нет! Ей не нужна была настоящая власть! Нужно было стать царицей! Царицей одного царства, а вместе мы бы могли править не только этими землями, но и другими. Литовское, Польское, Богемское царства – все бы склонились перед нами. Я один стою тысячи воинов!

Вяземский побледнел. Он уже видел, как сила Андрея выходила из-под контроля, и тот менялся. Юноша не до конца понимал, что именно произошло с князем несколько лет назад, но знал точно: Курбский приобрёл некую колдовскую силу, которая не раз спасала его в битвах. И эта сила многих пугала.

Князь Андрей обнажил острые клыки и потянулся к шее Афанасия – словно животное, которое хотело откусить кусок от добычи, но юноша не растерялся и изо всех сил толкнул князя. Тот упал в воду и выругался.

– Прости меня, господин! Ты… я… я испугался! Прости меня! – тут же крикнул Афанасий и сам следом сиганул с мостков в озеро.

Вода привела князя в чувство: клыки вновь превратились в обычные зубы, а глаза вернули изумрудно-зелёный цвет.

– Прости меня, Афоня, – прошептал князь и опустил голову. – Прости. Я сам не свой… Мне всё труднее. И когда я в ярость прихожу, я хочу… я хочу…

– Правда, люди болтают, что ты кровь пьёшь? – шёпотом спросил Вяземский.

– Да, дорогой мальчик. Крови я хочу, когда гневаюсь. С ума схожу который день. А я обещал: только лишь кровь врагов наших пить… Да только это сильнее меня. И ты прав, что Настасье я был противен. Я же, как Каин, такого же человека убиваю и жертвую его кровь…

– Довольно, князь! Ты сильнее этого. Сильнее всех, кого я знаю! А значит, и сильнее той силы, что истязает тебя! – с жаром прокричал юноша.

Андрей хотел что-то сказать, но их прервал подъехавший стражник:

– Пресветлые князья, удивлён найти вас в столь… странном месте.

– Мы, кажется, не представлены, – хмуро отозвался Вяземский.

– Василий я Грязной, к вашим услугам, – улыбнулся чернозубой улыбкой мужчина. Долговязый, бородатый, немного монгольской внешности. Первым, что бросалось в глаза, был его неоднократно сломанный нос. – Там, в крепости, просили разыскать князя Курбского. Царь ждёт. А тут ещё и младший братец Волка. Ты очень похож со своим старшим братом, княжич. Мы с ним под Казанью в одном приказе служили.

– Я не думаю, что мы похожи, – хмыкнул Афанасий, вылезая из воды. Следом выбрался и Курбский.

– Ну, раз царь ждёт… – Андрей посмотрел по сторонам – и в следующий момент исчез. Лишь лёгкий ветерок дунул в глаза Афанасию и Василию.

– Чёрт-те что! – сплюнул на землю Грязной и направил коня в сторону крепости, куда уже стягивались крытые подводы. Следом поторопился и Афанасий, которому явно не пристало являться к царю в таком виде.

* * *

В огромном зале пёстрой шумной толпой собралась княжеская и боярская знать – из тех, кто прибыл, чтобы проводить царицу в последний путь и поприсутствовать на царском совете. Большая часть боярства ожидала, что сейчас царь объявит либо о новой войне, либо о смотре невест. Однако большинство даже представить себе не могли, о чём именно пойдёт речь.

Царь Иоанн прошёл по залу словно огромная чёрная птица. Сев на трон, он не спешил начинать свою речь – несколько минут зал пребывал в тревожной тишине. Царь подозвал виночерпия, велел наполнить кубок до краёв и выпить первым. Затем Иоанн просто взял кубок, но пить не стал и заговорил:

– Я не хочу слушать ваши причитания по моей почившей супруге. Слёзы не вернут мне её. Но я знаю, кто убийца. И кто пособник убийцы. Ведь царица была убита.

По залу прокатился гул и восклицания, но царь поднял ладонь – и всё мгновенно стихло.

– Я хочу вести разговор о том, чего вы боитесь и избегаете. О том, на что хотите закрыть глаза. Андрей!

Посреди зала возникло существо, которое мало чем напоминало человека: худая, как обтянутый кожей скелет, белоснежная тварь с крыльями летучей мыши, длинными когтями, вытянутыми ушами и ртом, полным острых зубов.

Кто-то из бояр бросился в ужасе бежать, кто-то упал на колени и начал молиться и креститься, маленький Фёдор спрятался за спину своего отца, Афанасий смотрел на существо с каким-то благоговением и восторгом, а Григорий встал в дверях и никого не выпускал, словно цепной пёс.

– Это упырь, – спокойно сказал Иван Васильевич. – Кровопийца, чудовище, существо. Полагаю, многие из вас никогда не видели ему подобных, но, безусловно, видели других. С распространением православной веры большинство тварей предпочло сокрыться в тени, в лесах, на болотах. Покинуть земли, в которых они властвовали, и направиться в земли, куда ещё не ступала нога православного человека, – на восток. Мы подчиняем восток себе. Мы освобождаем земли для нормальных людей. Не для чудищ. Чудище должно стать нормальным человеком. Чудище должно принять правила, чтобы жить по божьим и человеческим законам, а не по языческим. Мы знаем тех, кто живёт по языческой вере и поклоняется чудовищам, мы разбиваем их ханства одно за другим. А ежели мы прогнёмся под чудовищ, нас постигнет судьба Константинополя! Османы бы никогда не одолели Византию, не будь на их стороне чудовища, подобные ему. Кто-то из вас знает про чудовищ, кто-то якшается с ними, а кто-то и сам под личиной человечьей скрывается. Но довольно! Многие из вас знают, а кто-то и сам видел, что, когда мы наконец разбили Казанское ханство, среди руин и пожарищ мы встретили Ведьму. Ведьму, что называет себя царицей этих земель. Ведьму, что проклинала весь род человеческий. Что сокрыла себя в Малахитовом дворце далеко на востоке. Что грозилась извести всех христиан за то, что забрали мы по праву нам принадлежащее! И я знаю, что эта Ведьма не будет сидеть сложа руки, не стерпит она позора. А оттого мы должны собрать войско ещё сильнее. Собрать войско, что сможет находить и убивать чудовищ. Чтобы не угрожали они ни царству, ни вере православной. В этом воине, – царь указал на Курбского, – сила тысячи воинов. Он не то что с людьми, он и с чудовищами сражался на равных. И мы соберём войско из тех, кто станет подобным ему. Для этого каждая семья пришлёт на службу младшего сына.

– Что же это получается, царь, – подал голос кто-то из зала, – ты из сыновей наших чудовищ будешь создавать? Для чего?

– Чтобы они убивали чудовищ ещё более опасных, – сверкнув глазами, ответил царь. – Ну, кто первый сына мне не пожалеет?

И вышел из толпы Алексей Басманов, и выволок за шиворот своего маленького сына, и бросил его у ног царя.

– Ничего не боишься, Алёшка? Быть по сему! – усмехнулся Иван Васильевич.

И в следующий миг стражники взяли мальчика под локти.

– Батюшка, я не хочу! – только и пискнул Фёдор.

Но отец лишь отвернулся.

– Я хочу, мой государь! – выбежал и в ноги царю упал Григорий Скуратов. – Меня сделай своим верным чудищем, мне силу дай!

Царь рассмеялся.

– На младшего сына ты не похож, но твой поступок для простого люда станет примером. Быть по сему.

Следом вышел к царю князь Вяземский, с ним Афоня, словно рождённый для этого момента. Но встал между царём и Вяземскими белоснежный монстр.

– Нет, мальчик! Ты не знаешь, что это за жизнь! Не соглашайся! – прошептал князь Курбский нечеловеческим голосом, и отрок на миг опешил и отступил на несколько шагов.

– Прости мне, пресветлый князь и защитник, но видится мне, что мальчик этот – сын Ивана Андреевича Вяземского, а не Андрея Михайловича Курбского! – рявкнул Вяземский-старший. – И мне решать за своего сына судьбу его. Он довольно послужил тебе, отдай его царю.

Глаза существа налились кровью и почернели, послышался скрип его костей. Но Иван Васильевич положил руку на крыло своего лучшего друга, жестом приказывая отступить, и князь повиновался.

Следом и другие бояре начали отдавать своих сыновей, и вскоре несколько дюжин отроков и юношей в сопровождении стражи вышли из крепости. Кто-то плакал, кто-то успокаи-

вал других. Ребята, что были постарше, сами покорно шли к телегам и о побеге не думали. Малюта – безродный, что добровольно за силой явился, – шёл позади процессии, громко смеялся, переговариваясь с Васькой Грязным.

Афанасий же увидел в толпе черноволосого мальчишку, с которым столкнулся на стене утром и который сейчас, тихо всхлипывая и спотыкаясь, брёл к телегам.

– Эй, ты же боярин Басманов. Фёдор, да?

Мальчик зарыдал.

– Ну, не плачь. Отец твой гордиться тобой будет. Все будут гордиться! – попытался успокоить Вяземский мальчишку.

– Батька меня не любит. Как бы я ни старался, он от меня просто избавиться захотел, как от лошади старой. И я теперь страшенным буду таким? На меня девки не посмотрят!

– Посмотрят, Федька, обязательно посмотрят! Ты зря на того человека наговариваешь. Это же князь Андрей!

– Курбский?

– Да! Я когда его таким увидел, я тоже поначалу испугался. А потом привык.

– Я только домовых видел раньше. Они со мной разговаривали. А такого – никогда. Я бы лучше домовым стал.

– А я бы кем-нибудь, кто способен даже змея сразить!

– А и такие бывают чудища, князь?

– Не знаю, но матушка рассказывала в детстве легенду про святого Георгия. Он был балием.

– Балием? Это что же за слово такое?

– Это слово обозначает героя, который чудовищ убивает.

– А зачем нам убивать чудовищ?

– Потому что это весело, мелочь, – улыбнулся проходящий мимо Грязной. – Мой батька ловчим служит, в лесах порой такие твари встречаются, которые от стрел не падают. И их живым огнём надо убивать. Бах! И всё!

– Я, честно говоря, даже не знал, что существует ещё кто-то, как князь Андрей… – тихо сказал Вяземский.

Ответом ему был мерзкий и холодный смех рыжеволосого мужчины, который утром ругался с Курбским.

– Княжеский сынок, мир наполнен таким, что тебе и не снилось. А перед чудовищами мы бессильны. Нападёт такая тварь на твой дом, а её и не убить ничем. А десять таких тварей? А сотня?

– Но зачем им нападать на нас?

– Они тоже хотят жить. Хотят есть. Только они сильнее нас. Быстрее. Хитрее. Они будто созданы, чтобы убивать нас. Как мы убиваем дичь, так они убивают нас. Мы для них такая же дичь. Но если мы сами станем чудовищами, значит, мы и будем властвовать!

– Мечты мужика, – хмыкнул Афанасий. – Лишь бы не в поле работать, а властвовать. Господь распределяет, кто властвует, а кто поле пашет.

– Нет, мелюзга, – мерзко хихикнул Малюта, – теперь это распределяет царь-батюшка.

Мальчишек посадили в телеги, которые были заранее приготовлены, и они двинулись в дальний путь. Фёдор пытался дремать на плече Афанасия, но в дороге засыпалось очень плохо.

– Афоня, – протянул Фёдор, – а ты про этих… как их… валиев ещё знаешь что-нибудь?

Афанасий задумался.

– Балиев? Только про святого Георгия.

Через несколько часов пути телеги остановились на перекрёстке, где к обозу присоединился всадник. Он был одет в чёрные чужеземные доспехи, а лошадь его была покрыта чёрной попоной с пурпурными цветами. Следом за ним плелись две навьюченные лошади.

Афанасий заметил, как путник показал какую-то бумагу с печатью стражникам и те лишь учтиво поклонились.

– Посол чей-то? – присмотрелся Фёдор. – Вещи на нём ненашенские.

– Пан какой-то. Наверное, в столицу путь держит, – пожал плечами Вяземский.

Двух нагруженных лошадей путника привязали к одной из телег, сам же чёрный всадник пришпорил коня и, поравнявшись с главой стражи, князем Владимиром Старицким, вопросил недовольно:

– Это все, кого пресветлый государь смог собрать? Этого мало!

– А я думал, что это только слухи, что ты вернулся в эти земли, священник, – мрачно отозвался Старицкий.

– Царь отправил мне послание, как только царица заболела. Я спешил как мог.

– К царице? Или по иному вопросу? – шевельнул бровью князь.

– Странно, что твой кузен не поведал тебе о своих планах, – насмешливо проговорил всадник.

– Здесь… многое изменилось со времени твоего последнего визита. Иван теперь несколько раз подумает, прежде чем о планах своих с князьями и боярами разглагольствовать. Смута назревает при дворе.

– Так случается в тех государствах, которые добрым христианам из лап чудовищ отвоёвывать приходится. И Русское царство сейчас одно из таких. Так что, Владимир, я надеюсь, что ты довезёшь мой груз в целости и сохранности. А мне нужно крепость подготовить к вашему прибытию, – закончил всадник и, пришпорив коня, помчался к Александровской слободе.

Глава 2

Лавка, на которой спал Фёдор, была неудобной. Мальчик надеялся, что хотя бы в слободе получится выспаться, но оказалось, что новые хоромы не лучше телеги, в которой они тряслись два дня.

По прибытии, состоявшемся в ночи, всех мальчишек и юношей уложили спать вповалку в одном помещении без разбору сословия. Не так себе представлял Фёдор службу у царя. Ох не так.

Когда пропели первые петухи, со своей лежанки поднялся и князь Вяземский. Для него тоже было в новинку спать на соломе, укрывшись собственной одеждой. Отец брал его в военные походы, но в шатрах всегда расстилали шкуры, а в крепостях княжичи могли спать в нормальной кровати.

Заметив, что Вяземский проснулся, Фёдор, аккуратно переступая через спящих, подошёл к Афанасию.

– Не выспался? – понимающе спросил Вяземский.

Мальчик, зевая, согласно кивнул.

– Я тоже. Пойдём слободу смотреть? – предложил он Федору.

Тот снова кивнул.

Мальчишки, стараясь не шуметь, миновали спящих. За время пути с некоторыми они успели познакомиться. В обнимку с котомкой посапывал молодой князь Собакин, поодаль от него – близнецы Марк и Даниил, которые были детьми какого-то купца и кухарки, увязавшимися за Скуратовым. У окна спал Богдан – мальчик со скверным характером, которого приютили бояре Хворостинины. В пути он несколько раз ввязывался в драку, но в бою был хорош. Говорят, паренька Хворостинину отдал на воспитание один из последних ордынских правителей. Мальчик знал, что он потомок завоевателей, и все никак не мог привыкнуть к тому, что влияние некогда сильного Улус Джучи настолько ослабло, что теперь их господство было неприятной, но сказкой. А у самого Богдана власти было не больше, чем у обычного купца. Возле самой двери громко храпел Василий Грязной, который вместо подушки подложил под голову собственные вонючие сапоги.

Фёдор и Афанасий прошли мимо Грязного и наконец смогли выйти за порог. Холодное утро было наполнено свежестью. Солнце только начинало подниматься, окрашивая небо в мягкие розово-золотистые тона. Вокруг царила тишина, которую изредка нарушал щебет птиц и шелест ароматных трав.

Во дворе не было ни души. Даже из конюшен не слышалось лошадиного ржания.

– И чего вам не спится? – раздался вдруг голос откуда-то сбоку.

Малюта Скуратов сидел на лестнице и грыз травинку.

– Опять ты, – пробурчал Вяземский. – Вот из-за таких, как ты, и не спится.

– Да, обвиняй меня во всех своих бедах, малец. Очень княжеское поведение, – усмехнулся Малюта.

– Что ты так привязался к княжичам? Всю дорогу бу-бу-бу, княжичи то, бу-бу-бу-бу бояре сё, бу-бу-бу, – поддразнил Фёдор.

– Маленький княжич, а кто тебе так разрешал со старшими разговаривать? – прищурился Скуратов.

– А ты и не старший, – сориентировался Басманов. – Ты тяглый. Это мы с Афанасием служивые, а ты тяглый. И, значит, ты нам подчиняться должен.

Григорий рассмеялся.

– Здесь такому не бывать больше. Мы теперь все служивые.

– Всё-то ты знаешь, – потянулся Вяземский. – И почему же ты себя к нам приравнял?

– А царь что сказал? Всех нас отобрали, чтобы мы особую службу несли. Чтобы силу нам особую дать. Чтобы нечисть обуздать. А сила равная у нас будет. Мы теперь каждый как князь Андрей будем.

– Не хочу быть как Андрей, – пробурчал Фёдор.

Дверь отворилась, и на улицу вышел Богдан. Даже когда он улыбался, сквозило в его лице что-то высокомерно-монгольское.

– Не знаю, зачем нас сюда прислали, да только не может человек чудищам что-либо противопоставить. Задобрить может. А драться не может, – уверенно заявил мальчишка.

– А ты, стало быть, чудищ видел? – заинтересовался Фёдор.

– Передо мной сейчас стоит одно маленькое, – тут же нашёлся с ответом паренек. – Вообще видел, конечно. Ханство Казанское под покровительством чудищ всегда было, как и земли Великого Улуса. Предки мои с чудищами дружбу водили, многие так и в семьи чудищ принимали.

– Да вижу уж, какие последствия такого принятия, – презрительно фыркнул Скуратов, намекая на то, что внешне Богдан отличался от остальных мальчишек узкими раскосыми глазами и смугловатой кожей.

– Ты смейся-смейся, а когда тебе чудища вспорют брюхо, не до смеха будет, – холодно ответил отрок.

Малюта вскочил, словно его пчела ужалила, рассвирепел, но в драку не полез, потому что заметил, как из дальних покоев вышел тот странный мужчина, что присоединился к их процессии в начале пути. И вместо того, чтобы с мальчишками возиться, Скуратов двинулся прямо к нему.

– Чего это он? – удивился Вяземский. – Ещё и от драки ушёл. Удивительное дело. А ты, стало быть, Богдан из Хворостининых?

– Так меня здесь зовут, – кивнул мальчик.

– А балии у вас там в ханстве были? – спросил Афанасий.

– Охотники – нет. У нас чудищ чтят. Мы и они не столь различны.

– Отчего же ты здесь? Будешь мешаться и чудищам помогать? – подозрительно прищурился Фёдор.

– Нет. Если я волю батюшки Хворостинина выполню, он дочь свою за меня отдаст. Княжна Марфа люба мне более, чем весь белый свет. И есть у меня свои счёты с крымским ханом. Когда я с ним расквитаюсь, тут и славой себя покрою. – А потом тихо, словно неуверенно, добавил: – А ещё у меня брат старший названый есть, вот его поразить хочу.

– А какие чудища у вас там были? У нас я видел только домовых и полкана однажды, мельком, в лесу. Леших и русалок ни разу не видел, – не сдержал любопытства Фёдор.

– У нас змеи летучие есть. Их почти нигде по миру не осталось. Только в степи водятся. Оборотни, что в больших кошек обращаются, есть. Полканов целое войско было когда-то. Но они все безобидные. Они просто жить хотят, как мы.

– Какой умный отрок, – сказал с акцентом высокий темноволосый мужчина, подошедший к юношам и полностью проигнорировавший Малюту, который пытался с ним заговорить.

Теперь мальчишки могли разглядеть его. На вид незнакомцу было лет тридцать. У него были карие глаза, тонкие губы, а нос напоминал клюв хищной птицы. Чёрные волосы доходили до плеч. Одет он был в монашескую робу, а на левой руке носил перстень с фиолетовым камнем, что не подобало носить монахам.

– Кто ты, чужеземец? – поинтересовался Вяземский.

– Никакой я не чужеземец, Афанасий, а близкий друг царя, отец Флоран Гауди. Священник, учёный и специалист по чудищам.

* * *

Из всех иноземцев, что прибывали ко двору, его одного царь Иван жаловал больше всех. Флоран Гауди был человеком учёным. Всегда привозил новшества да изобретения, называл себя человеком мира и господином без господина, так как ни у одного двора не могли его подкупить остаться. Семья Гауди испокон веков проживала в Риме, а богатства скопила, по слухам, столько, что можно было бы купить небольшое государство, но сами Гауди власти не хотели.

В Александровской слободе у Флорана Гауди была своя отдельная келья, в которой он и дневал и ночевал, и лишь изредка выходил к людям. На огне у него беспрестанно кипел странный котелок, а в сосудах хранились неведомые зелья. Кто-то говорил, что он был алхимиком, кто-то – что колдуном. Сам же Гауди всегда отвечал уклончиво на вопросы о том, кто он такой и чем занимается на самом деле. Да и те, кто слишком уж интересовался его личностью, поговаривали, долго не задерживались на этом свете. В общем, был он человеком разных талантов.

В Коломенском уезде Флоран успел побывать до того, как со всего света на похороны царицы стали собираться князья да бояре. С царём говорили они долго, и Флоран не спорил. С заказами, подобными тому, что пожелал сделать великий князь, к его семье время от времени обращались. И семья Гауди эти заказы выполняла. Почти всегда.

* * *

– Князь Андрей рассказывал о тебе, – вспомнил Вяземский. – Ты его в упыря превращал.

Гауди изогнул бровь.

– Не я. Его в упыря обратила кровь другого упыря. А я лишь поспособствовал, чтобы князь после этого в ясном уме остался.

– Это вы нас теперь всех в упырей будете превращать? – спросил Фёдор.

– Нет. Упырь, юный Фёдор, – это особое существо. Просто так в него превратиться не получится. Да и сделать то, что царь хочет, тоже, скорее всего, не получится.

– Это вы какими-то своими премудростями людей в охотников на чудищ обращаете? – поинтересовался Богдан.

– Да, – кивнул Гауди. – Но далеко не всегда это получается.

– Почему? – не унимался Басманов.

– Потому что в мире есть люди, а есть существа. Так Господом нашим было заведено. Создавать полумеры есть подражание и дьявольское искусство. И именно это искусство смог подчинить себе мой благородный род.

– Какой-то вы необычный для священника, – хмыкнул Богдан.

– Это мы потом обсудим, – улыбнулся отец Гауди и похлопал Богдана по плечу. – После завтрака вас во дворе соберут, – сообщил он мальчишкам. – Там и расскажут про все необычайные вещи.

* * *

Вопреки заверениям отца Гауди, не было не только никакого завтрака, но и никакого сбора. Никто в крепости так и не появился, а сама келья отца Гауди оказалась заперта.

Через несколько часов стало понятно, что пуста не только келья, но и конюшни, и казармы – и вся крепость была пугающе пустой. И кроме мальчишек, здесь не было ни единой души. Ворота также были заперты, а спуститься по крепостной стене не представлялось возможным, потому что под стеной располагался сухой ров с торчащими кольями.

Васька Грязной и Ивашка Собакин перво-наперво побежали проверять оружейную и кладовую, которые тоже пустовали, словно по слободе прошло Мамаево войско.

Вяземский попробовал организовать мальчишек, чтобы посчитаться. Сам молодой князь счётную науку знал плохо, но помочь ему решился купеческий сын Игнат. Как он рассказал, к своим пятнадцати годам он уже вовсю помогал отцу в промысле, умел считать и писать, но вот здоровьем был обделён. Был он необычайно долговязым и очень худым.

Всего насчиталось с десяток мальчишек, что не встретили и двенадцати зим; тридцать три отрока, что к шестнадцатому лету приближались, но до девятнадцатой весны не дожили ещё; и пятеро взрослых мужей, что двадцатую весну миновали. В общей сложности почти пять десятков человек.

За стенами крепости в пригороде явно кипела жизнь, но ни один живой человек почему-то не смел к ней приближаться. И даже когда им кричали мальчишки со стен, люди делали вид, что их не замечают. Все это казалось очень странным, однако за день никто из мальчишек так и не решился из крепости выбраться: думали, что, может, всё это часть их обучения.

* * *

В первую ночь один из боярских сынков, что проворным себя считал, решил перебраться через крепостную стену. Взял одежду свою и своего служки, связал её длинной веревкой, привязал за укрепления да попробовал спуститься.

Грязному эта идея не понравилась, да только сделать он ничего не успел: как только мальчишка две сажени миновал, что-то невидимое, вырвавшееся из стены, поразило отрока прямо в грудь, и он плюхнулся на колья и помер.

– Боярского сына убили! – завопил Грязной на всю округу.

Да только вместо ответа из стен во двор вырвались острые, почти прозрачные щупальца. Нескольких мальчишек ранило.

– Это ещё что?! Чудище?! – прячась за пустую телегу, воскликнул Федька.

Богдан затолкал под телегу ещё пару мальчишек и притаился. Ему было страшно настолько, что он не мог выдавить из себя ни слова.

* * *

Во время нападения Малюта, Игнат и Афанасий схоронились у входа в подземелье.

– Отступайте в крепость! – крикнул Вяземский. – И держитесь подальше от стен, вдруг эти штуки опять полезут!

Мальчишки, что помельче, побежали в крепость. Остальные же не вняли приказу Вяземского и, разделившись на небольшие группки, начали искать по двору, чем оборону держать.

– Да что, чёрт возьми, вообще происходит?! – запаниковал Вяземский. – Это нас заперли на съедение монстрам?

– Видимо, вот так нас обучать решили: кто выживет – тот и молодец, – предположил Игнат.

– А малец прав. Иначе зачем им нас без оружия оставлять, да ещё и одних? – согласился Скуратов.

– Спать специально не дают, – задумался Вяземский.

– Голодом морить будут, – кивнул Игнат.

– Ты в бою-то уже бывал? – спросил Афанасий Малюту, и тот кивнул. – Давай мир на время этого сражения. Тут опытных воинов из всех нас с десяток наберётся. Надо организовать остальных.

– Ну давай, щенок, организуем, – усмехнулся Григорий.

* * *

Через несколько часов щупальца ненадолго пропали, но внезапная атака унесла жизни двоих мальчишек, не считая смельчака, что пытался из крепости сбежать. Григорий и Афанасий довольно быстро сориентировались и организовали общий сбор, пока Грязной и ещё пара старших отроков остались на стенах дозор нести.

И прокричал что есть сил Малюта:

– Слушайте все, слово держать буду! Я безродный и не смею вам приказывать. Но если хотим понять, что за западню нам устроили, давайте вместе держаться. Из крепости выход искать будем. Я, князь Вяземский, боярин Грязной, боярин Хворостинин, боярин Собакин, а также Загорский, Татищев и братья Хвоевы в сражениях уже бывали, ратному делу немного обучены. Мы будем нести первый дозор и в случае чего защищать вас. Остальные для мелких и важных дел подойдут и останутся в крепости.

– На двор без надобности не выбегать. В крепости осторожными быть, – добавил Вяземский. – Мы не знаем: может, следующей ночью ещё какая дрянь тайными ходами в крепость проникнет. Начеку будьте.

* * *

Из лавок ребята постарше стали делать себе щиты, чтобы на крепостной стене в дозоре стоять. В него должны были отправиться один старший и несколько молодых, чтобы службу по очереди нести и спать друг другу не давать.

Мальчишек, кому по десять-одиннадцать вёсен было, во главе с Фёдором оставили осматривать крепость в поисках тайных ходов.

Братья-близнецы и ещё пара ребят направились во двор, чтобы набрать крапивы да щавеля, из которых можно было бы хоть настой сварить.

Васька Грязной обыскал конюшни и нашел немного овса. Овес решили использовать для мышеловок, чтобы мышей вылавливать.

Богдан отправился искать по крепости мышеловки. Если всю крепость голодом решили морить, то так хоть какая-то снедь будет.

Вяземский и Скуратов на командовании остались.

К началу следующего дня мальчишки помельче сильно пали духом. Животы их урчали, ведь со вчерашнего утра, кроме воды, в них ничего не было. Но еды в крепости так и не нашли. Всё, что было, – похлебка из трав, которую варили на огне в кухне Даниил и Марк.

– Гауди этот как сквозь землю провалился! Я дверь выломал, а там пусто, словно и не было никого никогда!.. – ругался Скуратов. – Точно с нами сделали что-то.

– Меня беспокоит, что мы никак отпор дать не можем. Тут, кроме наконечников от стрел, дубинок да камней, никакого оружия нет. – Афанасий стукнул по столу.

– Ничего не нашли, – отрапортовал вернувшийся Фёдор. – Там в подземелье проход камнями засыпан. А больше ничего и нет.

– Проход, Федька! Может, это как раз наш путь отсюда! – обрадовался Скуратов. – Давайте созовём ребят, проход разберём.

– Всего один проход, говоришь? – задумался Вяземский.

– Да, свежий, недавно засыпали.

– Значит, точно выход, – кивнул Игнат. – Факелы берите и давайте камни таскать.

* * *

Проход действительно был завален совсем недавно. К вечеру второго дня раскопали уже такую дыру, в которую щуплый мальчонка вполне мог пролезть, что, собственно, один из отроков и сделал.

– Видишь что-нибудь? – спросил Малюта.

Мальчик поднял над собой факел и увидел, что находится в большом подземелье. На первый взгляд, выхода из него не было. Зато вдалеке в углах стояли сундуки и мешки.

– Тут мешки! – крикнул мальчик и побежал к ним.

– Семён, только огонь не подноси к ним: вдруг порох! – приказал Малюта.

– Нет, с мукой, с едой! – обрадованно уверил Семён.

Мальчик отступил на пару шагов назад. На секунду ему показалось, что он слышит какие-то глухие удары, словно от осыпающихся камней. Дуновение ветра, возникшего из ниоткуда, погасило огонь факела.

Малюта, стоявший по другую сторону завала, пристально вглядывался в темноту.

– Ой, факел погас, – сказал мальчик и побрёл на ощупь к завалу. – Гриша!

– Сюда иди, дурачок! – крикнул Скуратов, забирая у одного из мальчиков факел, чтобы указывать Семёну путь.

Мальчишка сделал шаг, ещё один, различая в темноте далёкий огонёк, и вдруг наступила тьма. Семён успел лишь не то вздохнуть, не то пискнуть. Этот то ли вздох, то ли писк услышали по другую сторону завала, а затем раздался и жуткий треск.

– Тихо! – скомандовал Скуратов, спиной отходя от завала. Четверо отроков, что были с ним, также отступили назад и притаились.

И вот из дыры показалась взъерошенная голова и руки мальчишки. Отроки облегчённо вздохнули, а Малюта побледнел и вытянул факел перед собой. Семён был весь в чём-то чёрном, голова его была безвольно опущена. А затем медленно поднялась, как у тряпичной куклы. Губы мальчика беззвучно открывались и закрывались, словно чья-то рука просто шевелила ими изнутри.

Григорий буквально вытолкал ребят из подземелья, а сам остался наедине с мальчиком, который смотрел на него. Мужчина поднёс факел к лицу отрока, так, что того опалило огнём, но мальчик не пошевелился и не вскрикнул от боли.

В ужасе Малюта выбежал из подземелья. Взлетев по лестнице, он крикнул:

– Несите всё сюда, нужно завалить дверь в подвал!

На его крик сбежались почти все в крепости. Но от ужаса мальчишки, что были с Григорием, ещё несколько минут не могли вымолвить и слова.

– Что ты видел? – спросил Васька, который был в дозоре.

– Там чудище. Оно Семёна мелкого съело. А ещё оно еду нашу охраняет, – добавил Скуратов, хоть и понимал, что лучше про еду не говорить, иначе все вопреки опасности попробуют спуститься в подземелье.

– Еда! – закричали мальчишки и попытались оттащить Скуратова от двери, но тот встал и заслонил её собой.

– Тихо! – скомандовал Вяземский. – Прошу, давайте разберёмся, что там.

– Нечего разбираться! – отрезал Скуратов. – Какая-то тварь, что человека на руку надеть может, там в подземелье! Хотите – идите умирать! – крикнул Скуратов.

– Там кладка свежая была, – сказал Фёдор. – Может, наши нас на съедение этой твари оставили, задобрить? Как домовым яблоки кладут.

Грязной закивал:

– Огня оно не боится. Надо думать, что делать. Еду эта тварь охраняет. Без еды мы ни ей, ни щупальцам отпор не дадим.

– Какой отпор?! Нас в жертву принесли! – крикнул Даниил.

– Помолчи ты! Не мог царь так поступить. Они из нас хотели сделать кого-то вроде Андрея, а не скормить твари. Да и вообще – утро вечера мудренее. Поменяйте дозорных. Остальные – спать. Гриша, мне понадобится твоя помощь. Пойдём поговорим.

* * *

Почти до самого рассвета Вяземский и Скуратов обсуждали, как достать еду из погребов и при этом чудищу не попасться, но так и не нашли решения. Подремать удалось лишь три часа, потому что, едва солнце показалось, в палаты вбежал Фёдор.

– Афоня, проснись! – начал трясти Вяземского Басманов.

– Что, что такое? – протирая глаза, спросил юноша и увидел, что у Фёдора разбиты губа и нос.

– Там ребята… я им говорил не ходить… но они пошли… – всё никак не мог отдышаться Басманов.

– Куда пошли? – вскочил с сена Скуратов, который остался дремать в общих покоях и уже час как бодрствовал, но просто лежал и думал, как проникнуть в подвал и не потревожить монстра. – А кто их пропустил?

– Так Данила и Марк, они вон сильные какие, меня ударили, а Лютый, который со мной в дозоре был, он уснул.

– Сколько с ними пошло? – всполошился Афанасий.

– Всего… – Федя загнул пять пальцев на одной руке и два на другой. – Семь. Там маленькие пошли.

– Чёрт! – Скуратов и Вяземский вскочили моментально и побежали вниз к двери в подземелье. У самого входа стоял бледный Грязной с дубиной в руке.

– Не пущу! – У него стучали зубы.

– Васька, что там? – спросил Малюта.

– Эти два дурачка и ещё пятеро… туда зашли. Я, пока дозор нёс, не отследил, да вон и Федьку побили…

– И что? – поторопил Вяземский.

– Там, на входе, две руки человеческие на полу раскинулись. Огромные. Все в кровище, никогда такого не видел. Сломали там проход. Эта тварь сюда протиснуться не может.

– А ребята? – с надеждой спросил Фёдор.

– Оно их съело. Всех съело.

– Проклятье! – выругался Скуратов.

– Не шуми, тише ты. Всё уже. Нет ребят, – сквозь зубы процедил Васька.

Повисла недолгая пауза. Вяземский оглядел крепость:

– Давайте жребий тянуть. Это чудище сейчас, скорее всего, наелось и спит, точно собака сытая, не опасное. Нужно попробовать протиснуться в подземелье и достать еды. Я пойду, и мне ещё один понадобится.

Скуратов изогнул бровь.

– Рискни, князь. А я ещё пожить хочу. Может, придумаю, как живым выбраться из этой крепости.

– Давай я, – грустно предложил Фёдор. – Есть хочу ужасно, да и не уберёг ребят. Из-за меня погибли все. А я маленький, может, смогу проскользнуть мимо этой твари.

– Двоих довольно будет. Не нравится мне, что княжичи помирать вздумали, но выбора нет у нас никакого.

* * *

Фёдор и Афанасий сбросили лишние вещи: кожухи, кафтаны, кушаки да сапоги, – что могли мешать им, взяли пару факелов и двинулись вниз по лестнице к подземелью. Прямо на входе они увидели раскрытую ладонь с длинными чёрными когтями. Афанасий провёл над ней факелом, но ладонь не пошевелилась. Вспоминая про себя все известные ему молитвы, Вяземский осторожно пошёл вдоль руки. Следом аккуратно ступал Фёдор.

Мальчики подошли к проходу. Афанасий посветил во тьму и увидел огромное существо, похожее на жабу, лежащую на спине. У неё были две огромные лягушачьи лапы и шесть здоровенных когтистых человеческих рук, распластанных в разные стороны. Морды этой твари было не видно. Двигаясь вдоль стен, чтобы не потревожить чудовище, Афанасий и Фёдор стали осматривать помещение, пока не нашли мешки с провизией.

Вяземский подошёл к одному из мешков и попробовал поднять. Тот оказался очень тяжелым, но Афанасий, пусть и с трудом, закинул его на спину и двинулся к выходу. В другом конце комнаты Фёдор заприметил ещё одну небольшую дверь и аккуратно отворил её, периодически оглядываясь на жуткую тварь.

Тем временем Афанасий пробирался мимо чудища, стараясь не задевать его руки. Вяземскому оставалось несколько последних шагов между пальцами твари, и мешок с мукой получится вынести из подземелья. Шаг, ещё один… Затем ещё. И…

Лестница! Что есть сил Афанасий рванул вперёд. На поверхности его встретили бурным ликованием, и лишь пару секунд спустя поняли, что Фёдора нет.

* * *

– Я спущусь и ещё принесу, и Фёдора найду! – сказал Вяземский. – А вы найдите тех, кто готовить что-то умеет, печи растопить…

– Так это Даниил и Марк что-то понимали в готовке, их и съели. Но что-нибудь придумаем, – кивнул Грязной.

– Я пойду с тобой, – сказал Богдан Вяземскому. – Вместе и еды больше вытащим, и Фёдора найдём.

* * *

Басманов протиснулся в дверь и, молясь Господу, прикрыл её. Он поднял факел повыше и обнаружил перед собой склад оружия: доспехи, палицы, щиты. А рядом бочки. Небольшая оружейная. Фёдор прикрыл рот рукой и стал спешно искать другой выход из комнаты, кроме того, что вёл обратно к чудищу, но выхода не было.

Мальчик быстро отыскал в полумраке кинжал и двинулся обратно.

* * *

На противоположном конце подземелья, по другую сторону от спящего монстра, Богдан и Вяземский тащили к лестнице мешки. В полумраке они так и не смогли отыскать Фёдора и решили принести хоть какую-то пользу остальным. Басманов же, заметив ребят, прошмыгнул из оружейной, мимо спящего чудища к мальчишкам, жестами пытаясь показать, что ребятам нужно бросить мешки и пойти с ним. Но княжичи лишь указали ему в сторону выхода, а спорить без слов малец не умел.

К своей величайшей удаче, Богдан, Афанасий и Фёдор вышли из подземелья без приключений. Уже на поверхности Вяземский заметил у Басманова кинжал и вместо того, чтобы отчитать юного боярина, спросил:

– Откуда он?

– Так оружейная там, я тебе сказать пытался, но говорить же нельзя! – посетовал Басманов. – Там и мечи, и бочки какие-то…

– Порох! – в один голос воскликнули Скуратов и Грязной.

– Надо вернуться, пока тварь спит. Оружие взять, сколько сможем вынести, – затараторил Скуратов.

– Мечи греметь будут, – покачал головой Вяземский.

– Да к чёрту. По трое спускаться будем, набирать, сколько унесём, и бежать. А если тварь проснётся – порох подожжём.

– Не нравится мне это, – покачал головой Богдан, – но не стоит время терять. Идите первыми, раз так хотите.

Скуратов и Грязной переглянулись.

– Я покажу где, – вызвался Фёдор и пошёл вперёд.

* * *

Ближе к вечеру щупальца вновь полезли из стен. Теперь они вылезали не только из крепостных стен, но и из стен строений. И лишь там, где огонь горел и дым был, они не проявлялись. А дым как раз с кухонь поднимался.

* * *

Мальчишки готовить не умели, только кто-то из боярских детей видел, как смешивала кухарка муку, воду да травы, а потом к огню клала такой шар. Вот Игнат и попробовал испечь такие колобки. Первые несколько шаров теста из печи достал Игнат, но никому не позволил прикоснуться к ним, пока остальные не допекутся.

– Хлеб! Хлеб! – закричали мальчишки и бросились к кухне.

– Принесу тебе еды и ребятам припрячу, – сказал Богдан и оставил Вяземского сидеть охранять вход в подземелье.

* * *

Фёдор, Григорий и Васька миновали спящее чудовище и добрались до оружейной. Сколько мог, нагрузил на себя Васька, а Малюта смотрел на бочки. Что-то внутри него говорило, что тварь нужно убить во что бы то ни стало, а для этого нет у них времени таскать оружие наверх. Скуратов снял сапоги и одежду верхнюю, чтобы остаться в одних портах, снял крышку с маленького бочонка, а затем поднял его и двинулся к двери. В ужасе расступились перед ним Васька и Фёдор. Чудище во тьме было еле видно, но Малюта подобрался к нему почти вплотную и поставил бочонок. Тварь не шевелилась – казалось, она даже не дышит.

Грязной понял, что делает Скуратов, отложил в сторону всё оружие и тоже взял бочонок и аккуратно понёс его в сторону чудовища. Маленький Фёдор остался возле оружейной светить факелом.

Семь бочонков удалось им перенести к чудищу. Затем Фёдор и Грязной с оружием двинулись вверх по лестнице, а Малюта пороховую дорожку почти до нижней ступени рассыпал, но в последний момент всё-таки споткнулся о руку чудовища, и оно зашевелилось. Кулаки чудища сжались и резко взметнулись к самому потолку. Поминая ангела и черта, Григорий просто швырнул факел в сторону жабы и бросился вверх по лестнице.

А затем на всю крепость раздался такой грохот, что стены задрожали, а одну из них так и вовсе снесло; Грязного, Басманова и самого Скуратова засыпало пылью и камнями.

* * *

Афанасий очнулся от криков. Отерев кровь, стекавшую по лицу и залепившую глаза, он разглядел, что по двору бегают невесть откуда появившиеся стрельцы. Весь двор был усеян телами и оружием. Посреди двора сидело чудище: огромная жаба с человеческой мордой и огромной клыкастой пастью. Своими руками она ловила мелких людишек. Щеки её были разрисованы кровью, а на голове, как колпак, носила она странную корону из человечьих костей и черепов, которые казались маленькими бубенцами.

Безразличны ей были и выстрелы, и удары мечей, и стрелы. Мальчишки пытались прятаться в крепости, но тварь ломала стены.

Откуда-то сверху белоснежной летучей мышью спикировал на это чудище сам князь Андрей и когтями постарался вцепиться твари в глаза, но та лишь увернулась и сделала прыжок, одной рукой, словно надоедливую муху, повергая князя наземь.

Жаба высматривала новую жертву.

Вяземский перевернулся на бок и увидел, как во двор галопом влетел всадник на чёрном коне и в чёрных доспехах и встал между тварью и князем. В руках у рыцаря было длинное чёрное копьё. Жаба ударила лапой, но рыцарь легко увернулся и воткнул копьё в её ладонь. Андрей вскочил. Рыцарь бросил Курбскому меч. Князь схватил оружие и взмыл в воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.